

Коль ради Смерти я не сбавил шаг,
Возле меня она остановилась —
Сама любезность. Придержав повозку для нас
И вечности.

Неспешен путь наш был — ей суета
Неведома. И прочь тогда отбросил
Я труд и праздность бытия ради ее
Учтивости¹.

Эмили Дикинсон.

*«Коль ради Смерти я не сбавил шаг»
(Because I could not stop for Death)*

¹ Перевод А. Иевлевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть мне к лицу	9
Что такое дом	34
Стиль	59
Ирландский быт	88
Образование	97
Работа	108
Ролевые модели	126
Основа	141
Невидимка	154
Мечты	174
Уроки танцев	183
Ответ на все молитвы	199
Клетки	214
Выбор	242
Карма	258

Надежда	277
Вол	290
Me Too	316
Красота жизни, прожитой дважды	345
Благодарности	360
Об авторе	365

СМЕРТЬ МНЕ К ЛИЦУ

Я открыла глаза — и увидела незнакомца. Он склонился надо мной, и лицо его было всего в нескольких дюймах от моего. Он смотрел на меня с такой добротой, что я готова была умереть. Гладил меня по голове, по волосам. Господи, какой он был красивый. Хотела бы я, чтобы на его месте оказался кто-то, кто меня любит, а не кто-то, кто говорит: «У вас инсульт».

Он нежно касался моих волос, а я просто лежала и понимала, что в той комнате не было ни одного человека, которому я была бы дорога. Я это нутром чуяла — не нужно никакого инсульта, чтобы понять, какую нелепую оплеуху отвесила мне жизнь, понять, что отныне я лишусь подвижности.

Конец сентября 2001 года. Я в реанимации Калифорнийского тихоокеанского медицинского центра.

Я спросила красавчика-врача: «А речь у меня тоже пропадет?» Вполне возможно, ответил он. Я потребовала телефон. Надо было позвонить

маме и сестре. Надо было, чтобы они услышали обо всем от меня, пока я еще могу говорить. Врач схватил мою руку, и я поняла, что он делает все, чтобы окружить меня той особой любовью, которую в такие моменты излучают люди, познавшие свое призвание. Я многому у него научилась.

Сначала я позвонила своей сестре Келли. Она повела себя как всегда — как самый чудесный человек из всех, кого я знаю. К другим она добрее, чем к себе, она даже наивна в своей мягкости. Потом я позвонила маме, и этот разговор дался мне гораздо труднее, поскольку я даже не знала, питает ли она ко мне хоть какую-то симпатию. И вот я позвонила ей — на пороге смерти и совершенно не уверенная в себе. Она жила на вершине горы в Пенсильвании и в тот момент работала в саду перед домом. Она разрыдалась.

Стоит уточнить важный момент: Дот может разрыдаться даже над рекламой, идущей по радио, так что надо было просто подождать — я знала, что мама сейчас соберется. Несмотря на разделявшее нас расстояние, они с папой приехали в течение суток. Она влетела в больницу — как была, в шортах, запачканная, с черноземом под ногтями и с ужасом на лице. Одного взгляда на нее хватило, чтобы годы неуверенности и недоговоренностей улетучились. Я лежала, зная, что могу умереть в любой момент, а она гладила меня по лицу пыльной рукой, и внезапно я почувствовала, что мама любит меня. И ощущение

это становилось все реальнее с каждым мгновением.

Отец стоял позади, напоминая быка, готового броситься в бой.

Я позвонила своей лучшей подруге Мими, с которой мы дружили больше двадцати лет, и сказала то же, что мы говорили друг другу всякий раз, когда случалось что-то особенно хорошее или плохое: «Тебе стоит присесть».

Слышно было, как она резко вздохнула. «Я могу умереть, — с места в карьер начала я. — И ты единственная, кому я могу сказать правду, потому что кто-то должен будет обо всех позаботиться, и это точно буду не я. У меня инсульт. Никто не знает почему».

«Вот дерьмо!» — воскликнула она.

«Здесь очень симпатичный доктор, — поделилась я. — А я с ним даже пофлиртовать не могу».

Она старалась не плакать и только прошептала: «Дорогая моя, я прилечу следующим же самолетом». И я знала, что она прилетит.

А потом снова наступила тишина. Звуки эхом отлетали от плитки на полу реанимации и разбивали мое сердце на кусочки. Помню это странное состояние, когда ты одновременно напуган и поражен тем, что никто не бегает вокруг и не кричит

Я лежала, зная, что могу умереть в любой момент, а она гладила меня по лицу пыльной рукой, и внезапно я почувствовала, что мама любит меня.

«скорее, скорее!», как это показывают по телевизору. На удивление никто никуда не торопился, не было никакой суеты. Врач – да, тот самый – сказал, что скоро приедет машина и отвезет меня в другую больницу, Моффитт-Лонг, где хорошее неврологическое отделение, и что там обо мне позаботятся наилучшим образом.

Господи, мне стало совсем плохо. Иногда формулировка «позаботятся наилучшим образом» только расстраивает. Это же не места в первом ряду на игре «Лейкерс»¹ и не столик у окна в любимом ресторане. Привилегии. Слава. Дерьмо.

Вот тогда-то я неожиданно почувствовала, что все вокруг так странно двигается, будто я просматриваю пленку с фильмом о моей жизни в обратной перемотке. Быстрой перемотке. Сначала мне показалось, что я падаю, а потом – будто что-то завладело мной, телом и душой, будто какая-то колоссальная сила, сверкающая, одухотворяющая, словно белая пелена, вытащила меня из моего тела и перебросила в тело кого-то другого – знакомого, прекрасного и... всезнающего?

Свет был таким ярким. Таким... загадочным. Я хотела познать его. Хотела раствориться в нем. Я видела лица, и они не были чужими. Она были идеальны. Многих из тех, кто мне явился, я любила до конца их жизни. Самые близкие друзья –

¹ «Лос-Анджелес Лейкерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса. – *Здесь и далее прим. пер.*

Кэролайн, Тони Дюкетт, Мануэль. Я так скучала по ним. Комната, где я находилась, вдруг показалась холодной. А они были теплыми, счастливыми и так рады были меня видеть. Пусть они не сказали ни слова, я прекрасно поняла их: они говорили о том, почему всем нам хорошо и спокойно, почему ничего не надо бояться — нас окружает любовь. Ведь на самом деле мы и есть любовь.

И вдруг меня в грудь словно осел лягул. Боль была такой резкой и оглушительной, что я пришла в себя и снова оказалась в реанимации. Я сделала выбор. Я задыхалась — знаете, как бывает, когда слишком долго пробудешь под водой. Я села. Свет ослеплял. Я видела только красавчика-врача. Он стоял чуть поодаль и наблюдал за мной.

Мне отчаянно надо было пописать, но, как только я попыталась слезть с каталки, оказалось, что накачали меня до состояния Алисы в Стране чудес, разве что попала я в страну белых стен и нержавеющей стали.

— Что вам нужно? — спросил врач.

— Уборная.

— Сюда.

Я соскользнула вниз, на прохладную плитку, и словно по воздуху добралась до туалета, где долго-долго справляла нужду, а потом поплелась обратно. Врач подхватил меня как пушинку.

Последние несколько лет, в конце девяностых, я постоянно гналась за любовью, которой у меня

не было. За любовью, которая, как мне казалось, мне принадлежала, хотя на самом деле это было не так. Погоня моя была буквальной – я уехала из Голливуда и перебралась в Северную Калифорнию. Погоня моя была фигуральной и духовной – я постоянно пыталась стать чем-то большим, тем, что позволит мне понять, как же научиться лучше ориентироваться в этой жизни, в любви и лучше любить. Я наблюдала за своей жизнью, и вдруг она закончилась – прямо у меня на глазах.

В один прекрасный день я получила ответы на все свои вопросы. Никакой дымки, никакого тумана или притворства: все мои усилия были напрасны. Факт оставался фактом: меня не любили, не хотели, от меня почти ничего не осталось.

Я была так захвачена прекрасным и благородным желанием стать чем-то большим, тем, чем никогда не была прежде, тем, что мне казалось более реальным, но все же потерпела неудачу. Я делала все, что могла, но все было не так, все мои поступки оказались неправильными. В ту пору я считала, что если продолжу поступать «правильно», «одухотворенно», то мне откроются истины, которые я так мечтала познать. Ничего подобного не случилось. Я просто сделала неверный выбор. Мне не хватило знаний. Не хватило мудрости. Я потеряла саму себя, пытаясь стать чем-то «большим». Мне казалось, что я недостаточно старательна. И не могла избавиться от этой мысли.

Разумеется, я не знала, что мой выбор неверен, что можно было просто уйти, я просто хотела быть хорошей, верной своим обещаниям. Мне казалось, что, даже совершая ошибки, я бы все преодолела, во всем разобралась.

Вплоть до этого самого момента каждый раз, когда я тянулась слишком высоко, хотела слишком много, я принимала тот факт, что вообще-то не следует метить так высоко, заключала сделки с собственной совестью, чтобы понять, почему же я стольким пожертвовала, а получила так мало. Я была женщиной, добившейся успеха, и мало кто ценил меня как личность, ценил за то, что я сделала, во что превратила себя. А потому было очень просто от всего отказаться. В конце концов, кто я такая-то? Актриса? Филантроп? Я вообще хоть что-то значу? Верно ли меня оценили? Неужели мужчина, добившийся того же, что и я, стоил бы большего?

Я выросла в семье, где родители любят друг друга слишком сильно, чтобы интересоваться собственными детьми. Мы могли прийти домой и обнаружить, что они обнимаются на диване. Я росла с родителями, которые, прожив пятьдесят лет в браке, по-прежнему танцевали в саду, как будто кроме них вокруг никого не было. Я не подозревала, что существуют люди, которые не любят своих супругов. Я считала, что разведенным людям было очень сложно принять такое решение. Я чувствовала себя в зыбучих песках, я утрачива-